

Защита Гольдмана

Марк Гольдман в юности увлекался танками, теперь – убеждённый противник борьбы «с помощью автоматов». После шести лет политических лагерей и ссылки в Липецк коренной москвич начал «письменную войну» за права граждан.

На его счету несколько громких дел. «Для серьёзности» Марк Гольдман в 74 года окончил Высшую школу экономики, став самым пожилым выпускником вуза в России.

Посидел за Хрущёва

«Как любой россиянин, с детства я был знаком с двумя проклятыми вопросами русской интеллигенции – «кто виноват?» и «что делать?». Под влиянием происходящего в стране добавились ещё вопросы: «что происходит?» и «кто будет делать то, что нужно?», – начал своё выступление на научно-практической конференции в Иркутске директор Липецкого общества прав человека Марк Гольдман. Поиски

ответов привели его сначала в организацию молодых историков МГУ «Союз патриотов», потом – в Дубравлаг Мордовской АССР, где он оказался за распространение «антихрущёвских» листовок с призывом «Боритесь за свои права».

– Помимо этой фразы в листовках было семь пунктов, которые начинались со слова «требуйте». К примеру, «требуйте съезда партии». Единственный пункт, который внёс я, был «усиление роли Советов». Поскольку не партия, а Советы должны были осуществлять права. А ниже мы подписали: «Боритесь за свои права». Вот это был первый шаг к защите чьих-то прав. Хотя желание заниматься правозащитной деятельностью появилось в деталях уже после лагеря. Там, конечно, много я понял.

– Представления о лагере совпали с реальностью?

– Нет. Работая в газете журналистом, я написал большую статью о лагере. И когда её прочитала одна из корреспонденток того же издания, известная в Липецке поэтесса, то сказала: да ты на курорте отдыхал! Это был политический лагерь, куда свезли со всего Союза политических заключённых. Целые эшелоны заключённых приходили из Тайшета, Магадана, Воркуты. Сначала я оказался в Мордовии, потом нас ежегодно перевозили из лагеря в лагерь, чтобы местные к нам не привыкали. Дважды лагерь для политических были переполнены, так нас отправляли в тюрьмы для уголовников. До того, как сместили Хрущёва, к нам очень неплохо относились. Когда его сменил Брежнев, местная администрация начала пресовать политических. Полагаю, они просто поняли, что мы не идиоты, раз смогли предвидеть события на несколько лет вперёд.

– Можете сказать, что сейчас тоже понимаете, как будет развиваться ситуация в стране в ближайшее время?

– Нынешняя власть – это корпоративная такая, знаете, шарашка. Лоббирование идёт не от народных формирований или хотя бы предпринимателей, а только со стороны политико-олигархических корпораций. Народ ничего не решает, ему не дали такой возможности. Власть не прислушивается к людям, у неё другое восприятие происходящего, иное формирование взглядов и интересов. При этом наша избирательная система – ложная, высказываться дают раз в четыре года и то далеко не всем. Если полистать законы, можно найти массу нарушений основ конституционного права.

«Ух ты, говорю. Это судьба»

После лагерей Марка Гольдмана не пустили обратно в Москву. «С отцом решали, куда ехать, выбрали между Ярославлем, Тулой, Липецком. О последнем он сказал: «У! Какое хорошее название! Природа замечательная, много тяжёлой промышленности, интеллигенция в автобусах читает». Я и согласился, мол, давай в Липецк», – вспоминает Гольдман. Он коренной москвич – родился и вырос на Таганке, – но так

и не вернулся туда, даже когда его реабилитировали и дали квартиру в столице.

— Окончательный выбор в пользу Липецка я сделал, когда мы с отцом поехали отдыхать на юг. Там я встретил женщину. Представьте, после шести лет в лагерях я вышел на пляж. С восьмикратным биноклем. Смотрю, идёт милая женщина, смотрит под ноги, чтобы ни на кого не наступить. Мне понравилась она. Думаю, неудобно рассматривать в бинокль, а то она уже метрах в десяти. Опускаю бинокль — а она ещё ближе. На следующий день мы вместе оказались в очереди на завтрак и на экскурсии, потом — на танцах. А на юге все друг друга спрашивали, откуда приехали. Ведь на курорт со всего Союза приезжали. Она сказала, что сама из Липецка. Ух ты, говорю. Это судьба. Рассказал ей всю свою историю. Почти сразу мы уехали в Липецк, где меньше чем через месяц поженились.

— Семью строили по демократическим принципам?

— Я домашних ни к чему не принуждаю. Зато они меня ругают, мол, это не делаешь, то не делаешь. У нас с женой вовсе разные политические взгляды. Мы с ней антиподы: она считает, что при коммунистах было лучше. Так получилось, что вся семья аполитичная, впрочем, как многие окружающие. Вот внучка — пока не знаю. Давно с ней не виделся. Через год поеду к ней во Львов, посмотрю.

— Как решились пойти учиться на политолога в Высшую школу экономики в 72 года?

— Это второе высшее образование. Первое я получил после школы. Тогда я поступал в Баумановку, а меня нагло завалили по химии, хотя физику и математику сдал на «отлично». Причём были специальности, где химия не нужна. К примеру, танкостроение: у меня хобби было в юности — танки. Несмотря на это и то, что в вузе было четыреста человек недобора, меня всё равно не приняли. В итоге выучился на инженера-гидротехника в строительном институте, находившемся недалеко от моего дома на Таганке. После лагерей работал в проектных, монтажных и исследовательских организациях.

Учиться на политолога пошёл в 72 года с помощью Международной программы стипендий Фонда Форда. Недавно случайно оказался на ток-шоу Лолиты Милявской. Приглашённый психолог поддержала меня: оказывается, на Западе, особенно в Италии, студенты моего возраста — это уже обычное дело. Теперь я магистр политологии. Раньше чиновники относились ко мне просто как к Гольдману, а теперь — как к политологу. Что не мешает им прессовать сильнее. Меня, к примеру, выгнали из городской Общественной палаты.

— Какие впечатления остались от второй студенческой жизни?

— Пока учился в Москве, жил в общежитии, в театр не ходил. Вместо телевизора установил на компьютере ТВ-тюнер. В маленьком окошке смотрел новости и кино, а сам в это время писал эссе. Меня часто телевизионщики снимали: как я кашу варю, дверь открываю или ещё что. Никто не спросил, зачем я пошёл учиться. С однокурсниками отношения особо не сложились. Ну, представьте. Им 22 года, а мне 72. Какие тут соприкосновения. Тем более что нынешние студенты в основном работают. У всех цель — жильё и семья. Никто из них не стал правозащитником. За два года учёбы я никого не заразил этой борьбой.

— А в Липецке у вас много единомышленников?

— Нет. Ежегодно 21 августа, на годовщину августовского путча, мы собираемся около санатория «Восход», где в 1991 году заседал наш штаб защиты Конституции. Пока мы заседали, около него трое суток стояли два автобуса с ОМОНОм, который нас контролировал. Поначалу на 21 августа собирались несколько десятков человек, теперь — не больше дюжины. Вот и все единомышленники.

— После 1991 года вас не пытались арестовать или просто оказать на вас давление?

— Нет. Может, это нескромно, но они меня боятся. Я к ним равнодушен. Был случай, когда я представлял на суде одну религиозную организацию. И по поводу нарушения прав этих людей написал в правоохранительные органы. Сначала силовики не отвечали, зато потом отреагировали. К слову, теперь я вхожу в общественный совет при УВД города.

«Автоматы, митинги и письма»

«Это только в советское время стоило выйти из партии, как ты становился персоной нон-грата. Теперь всё зависит от воли человека. Если он ничего не боится, то делает то, что хочет. Делай, что должно, и будь, что будет, — мой принцип», — так Гольдман предваряет историю о том, как «люди в масках»

пытались задержать его на выставке под названием «Соловки – вторая Голгофа»: «Я запротестовал, что омоновцы не представились, зато предложили пройти в машину. Это незаконно. В итоге из всех присутствующих отпустили только меня и двух журналистов. А остальных продержали ещё несколько часов». Специально для таких случаев Гольдман с Липецким обществом прав человека даже выпустил памятку «Моя милиция меня бережёт».

– Есть три варианта борьбы за свои права – автоматы, митинги и письма. Ну, автоматы я сразу отвергаю, потому что это имеет правовую основу для репрессий. К тому же известно, что революцию ведут благородные люди, а пользуются её плодами подлецы. Не нужно повторять пройденное. Революционная ситуация назревает, но на радикальные действия готовы пока только около 20% населения. А они ничего не решат, пока подавляющая масса молится на власть имущих. Против митингов тоже существуют колоссальные нормы, в том числе ОМОН. Поэтому я не нахожу другого способа, как конвертная, письменная война. Представляете, если придут миллионы писем, на которые чиновники будут обязаны ответить. Да они на конвертах разорвутся. А если не будут отвечать – подавайте в суд за несоблюдение федерального закона о порядке рассмотрения обращений.

Существует ещё один способ – когда профессиональные юристы и политологи «кромсают» и публикуют законы, показывая их ущербность. Никто нам не запрещает издать 999 экземпляров такой информации. Но пока подобной практики нет. Я обращался к Независимому экспертному правовому совету, туда входят известные юристы, к примеру Резник. Пока они не ухватились за эту идею. А сами мы не специалисты, у нас нет такого авторитета и рейтинга, чтобы откорректировать законы.

– К вам лично часто обращаются за защитой прав?

– Да. К нам в общество приходят на общественный приём, потрясают кулаками. А когда спрашиваю, за кого голосовали, оказывается, что за «Единую Россию». И за неё же опять собираются. Вот, отвечаю, и голосуйте, но не плачьте тогда. А когда всё же берёмся за дело, кругом ощущается наша беспомощность. Идти в суды зачастую бесполезно, хотя мы всё равно обращаемся туда. Что-то выигрываем, что-то – нет. Сейчас, к примеру, рассматривается масса дел по ЖКХ. Много писали заключённые, особенно раньше.

Но это в основном необразованные люди. От них страшные письма приходили. Вот, например, человек убил мать, когда пришёл забирать у неё пенсию: уходя, пнул дверь и пришиб её. Естественно, его обвинили. А мне пишет, что невиновен, а его кассационную жалобу направили не в ту инстанцию, хотя всё было по закону. Таких обращений много, с ними трудно работать.

Впрочем, в некоторых случаях действительно нарушаются права заключённых. Мы даже пришли к выводу, что треть из них сидит в тюрьмах или полностью невинновыми, или с делами, которые им «навесили». Было дело, у нас убили участкового, пока грабили какого-то фермера. За это убийство арестовали пять человек. Их били, тянули из них показания, а потом навесили другие дела, причём среди них не было дела об убийстве участкового. В ответ обвиняемые подали заявление на милиционеров. Представьте, их судят, а параллельно расследуется дело о пытках. В итоге за решёткой оказались десять милиционеров, а заключённых освободили. Получилось, они поменялись местами. Потом сидели в одном зале – милиционеры за решёткой и осуждённые – на свободе.

Сейчас у меня есть право посещать все места принудительного содержания граждан, посещать и спрашивать, как идут у них дела. Я пользуюсь этой возможностью. Но это всё очень противоречиво: вроде могу в любое время заглянуть, но должен согласовывать, иначе не пустят.

– А какие нарушения чаще всего вы встречали на выборах?

– Во время выборов губернатора Липецкой области один из кандидатов проиграл много голосов – 260 тысяч – и подал в суд. Я участвовал в группе его защиты. Процесс длился два года. Мы обнаружили около 80 тысяч фальсифицированных голосов в пользу конкурента. Но они не перекрыли 260 тысяч, которые проиграл кандидат. Так что сам факт подтасовок не повлиял на исход выборов.

При этом я думаю, что особого жульничества сейчас на выборах нет. Народ сам голосует за начальников. Прорвался какой-нибудь хмырь в жилищное управление и пообещал менять колонки и ванны в домах. Кое-кому даже заменил. И все ринулись за него голосовать. А человек толковый в своей листовке написал: я иду не в домоуправы и не в руководители по асфальтированию дворов, а в Думу, чтобы принимать законы, в соответствии с которыми будут решаться жилищные и другие проблемы. Первый победил, второй занял только четвёртое место. К сожалению, народ достоин своего правителя, как и правитель – народа.

– В Иркутской области в прошлом году удвоилось число общественных протестов. Почему реального эффекта от этих выступлений не наблюдалось?

– Разница между советской системой и нынешней в том, что раньше за инакомыслие сажали, выгоняли с работы, помещали в психушку, выдавливали за границу. Иногда даже убивали. Знаю случай, когда одного настырного религиозного деятеля подловили и окунули в канаву, где он и задохнулся. Нам об этом зачитывали письмо ЦК, когда я учился в университете марксизма-ленинизма. Сейчас, конечно, тоже всякое творится. И стреляют, но это единичные случаи. Протестующих стало больше, но и власть стала умнее. Она понимает, что равнодушие – лучший метод. Хоть головой о стенку расшибись – бесполезно. Удвоилось число пикетов и митингов? Так утройте, учетверите. Начните письменную войну. Письма и суды – единственный приемлемый вариант борьбы. Разумеется, сначала будут отказы. Но когда-то число превысит определённый уровень. Вспомните, как отменили графу «против всех». Когда большинство людей голосовали против всех, то чьи интересы представляли выборные? Это продемонстрировало полную бессмысленность режима. Так что должна быть общественная борьба. Пусть люди не боятся. Хотя, признаться, я не люблю тех, кто впадает при этом в крайности. У нас в Липецке есть один эколог. Он истеричный, всё смещает в какое-то психически ненормальное русло. Такое поведение не даёт положительного эффекта, а только козыри властям.

– В регионах протестная и в целом общественная активность ниже, чем в столице?

– В общем-то ниже. Концентрация людей в Москве – всё равно что в двух-трёх регионах вместе взятых. К тому же они постоянно общаются с иностранцами, видят очень много оппозиционеров. Тут люди не имеют подобного опыта, но это естественно. Я ведь не зря отказался вернуться в Москву, когда дали там квартиру, остался в регионе. Считаю, надо работать с провинцией. Ей нужна свобода инакомыслия и избирательного права.

– Какая, на ваш взгляд, общественная акция была самой успешной за последние несколько лет?

– Когда опубликовали 122-й закон о монетизации льгот, все пенсионеры повалили на улицу. Были бы большевики, они бы всю страну перестреляли. Сейчас власти сделали умнее. Дали пенсионерам что-то изменить, не всё, но многое. Больше успешных акций за последнее время я не видел. Те же марши несогласных ни к чему не приводят. Конечно, надо поддерживать дух инакомыслия, но от их выступлений эффекта нет. Даже количество участников маршей не растёт.

– Вы считаете, что эффективнее вести общественную борьбу с позиции правозащитника, нежели с позиции представителя власти?

– В середине 90-х я дважды участвовал в выборах в Гордуму Липецка. Понял, что с фамилией Гольдман до сих пор очень трудно. Антисемитизм – он где-то под коркой, некоторые даже образованные, гуманные люди испытывают недоверие к евреям. Хотя у меня мать русская, а я не имею отношения к еврейской культуре. К слову, национальность, считаю, определяется культурой. Так вот тогда я не прошёл, работал вполсилы и занял четвёртое место. Было и участие в выборах в Госдуму от «Союза правых сил». У меня сохранилось кандидатское удостоверение. Я жене говорю, мол, в гроб мне потом его положи, вдруг меня в рай по нему пропустят.

Автор: Екатерина Арбузова © "Конкурент" приложение к ВСП ОБЩЕСТВО, ИРКУТСК 👁 3198 17.10.2009, 11:00

URL: <https://babr24.com/?ADE=81587> Bytes: 15824 / 15554 Версия для печати Скачать PDF

Поделиться в соцсетях:

Также читайте эксклюзивную информацию в соцсетях:

- [Телеграм](#)
- [Джем](#)
- [ВКонтакте](#)
- [Одноклассники](#)

Связаться с редакцией Бабра в Иркутской области:
irkbabr24@gmail.com

Автор текста: **Екатерина Арбузова.**

НАПИСАТЬ ГЛАВРЕДУ:

Телеграм: @babr24_link_bot
Эл.почта: newsbabr@gmail.com

ЗАКАЗАТЬ РАССЛЕДОВАНИЕ:

эл.почта: bratska.net.net@gmail.com

КОНТАКТЫ

Бурятия и Монголия: Станислав Цырь
Телеграм: @bur24_link_bot
эл.почта: bur.babr@gmail.com

Иркутск: Анастасия Суворова
Телеграм: @irk24_link_bot
эл.почта: irkbabr24@gmail.com

Красноярск: Ирина Манская
Телеграм: @kras24_link_bot
эл.почта: krasyar.babr@gmail.com

Новосибирск: Алина Обская
Телеграм: @nsk24_link_bot
эл.почта: nsk.babr@gmail.com

Томск: Николай Ушайкин
Телеграм: @tomsk24_link_bot
эл.почта: tomsk.babr@gmail.com

[Прислать свою новость](#)

ЗАКАЗАТЬ РАЗМЕЩЕНИЕ:

Рекламная группа "Экватор"
Телеграм: @babrobot_bot
эл.почта: eqquatoria@gmail.com

СТРАТЕГИЧЕСКОЕ СОТРУДНИЧЕСТВО:

эл.почта: babrmarket@gmail.com

[Подробнее о размещении](#)

[Отказ от ответственности](#)

[Правила перепечаток](#)

[Соглашение о франчайзинге](#)

[Что такое Бабр24](#)

[Вакансии](#)

[Статистика сайта](#)

[Архив](#)

[Календарь](#)

[Зеркала сайта](#)